

Шекспир'98: реставрация прошла успешно

*Русский
телеграф,
— 1998.*

— 29 мая. — с. 9

«Чик бай Джаул» в третий раз приехал на Чеховский фестиваль и никого не разочаровал

Знаменитая английская труппа не потерялась даже на фоне майского штурма, которым брали московскую сцену священные чудовища мировой режиссуры. Суховатая отчетливость их стиля оказалась как нельзя более кстати после ошеломляющих красот «Персефоны» и чувственного накала «Госпела в Колоне». Москва — лишь очередной пункт на пути гастрольного турне «Чик бай Джаул», и нет сомнения, что «Много шума...» Деклана Доннеллана и Ника Ормерода соберут полные залы на всех широтах. Почти двадцать лет они предлагают миру интернациональный, очищенный от местного колорита и местного менталитета вариант классической английской драматургии, и миру определенно нравится этот вариант.

Тем более что «Чик бай Джаул» умеет найти в Марло, Шекспире и Уэбстере то, что понятно и приятно современному зрителю. Классики в интерпретации Доннеллана и Ормерода превращаются в современников Пинтера и Стоппарда. Помните, у Стоппарда Розенкранц подбрасывает монету, и релка выпадает 81 раз подряд. Ту же абсурдную механику отцы-основатели «Чик бай Джаул» различают в шекспировской интриге. Любимый их прием — они часто пользуются им и в «Много шума...» — это расставить героев на сцене,

словно шахматные фигуры на доске, и, выждав паузу, посмотреть, что будет с ними дальше. Они запускают сюжеты, и те работают словно сами по себе, продуцируя страсти и равнодушно играя судьбами.

Доннеллан любит играть с историческими реалиями, отчуждая язык антуражем. «Герцогиню Амальфи» он перенес в 1930-е. «Много шума из ничего» получили прописку в викторианской эпохе. При этом разное время он неукоснительно соблюдает единство места: действие всех постановок «Чик бай Джаул» происходит в светской гостиной. Их элегантные и сдержанные герои являют собой идеальный образчик английской сдержанности. Они терзаются не грандиозными страстями, а нормальными человеческими чувствами — завистью, ревностью, тщеславием — и бесподобно умеют скрывать свои переживания. Мно-

Герой «Много шума из ничего» в постановке английского театра «Чик бай Джаул», то и дело оказываются в двусмысленных ситуациях...

... но английская сдержанность мешает им выражать свои чувства. Тогда они просто останавливаются и держат паузу.

гопудовые монологи служат им не для того, чтобы затопить слезами партер, а для того, чтобы разобратся в мотивировках — своих и чужих. В разгар нешуточных событий они ни на секунду не позволяют себе повысить голос — самым сильным моментом спектакля становится не крик, а пауза.

Доннеллан — великий специалист по намекам, подвохам, двусмысленностям. Он ловит своих героев в паутину привязанностей — искренних и мнимых, связывает их общими воспоминаниями, невыносимо усложняет и без того запутанное переплетение интересов. Заметив взгляд, которым обмениваются принц и Клавдио, нетрудно угадать, что перед ними маячит возможность романа, а возмущение Бенедикта сватовством Клавдио явно продиктовано ревностью. Веселые шутки оборачиваются жестоким издевательством, а забавные розыгрыши сулят — пусть и обманчиво — трагический исход.

Обеспеченные тонкой игрой подтекстов актеры играют на понижение. В этой труппе высоко

котируется умение промолчать. Секундная заминка Мэтью Макфадена (Бенедикта), надвое разрывающая его реплику «Нет, это не может быть... подстроено», вызывает радостный хохот зала: такую смуту тщеславия, изумления, недоверия удается создать актеру в крошечном пространстве тишины. Немой шок Клавдио (Богдан Порей), узнавшего, что Геро была невинна, эхом безмолвия отдается в партере.

Распадаясь на противоречивые интересы, мелкие стычки, ссоры из-за пустяков, пьесы елизаветинцев обнаруживают свою двойственную жанровую природу — ту протечность происходящего, которую труднее всего воссоздать на современной сцене. «Герцогиня Амальфи», которую «Чик бай Джаул» привозил в Москву в позапрошлом году, была салонной трагедией — и порой жеманство ее интонаций казалось чуть не фарсовым. «Много шума из ничего» стала салонной комедией — и горечь ее интонаций оказалась почти невыносимой.

Нет, здесь много поют, а в кон-

це все танцуют, взявшись за руки и посылая улыбки галерке. Но это чинное веселье — ненадежный покров, наброшенный этикетом на ту бессмыслицу существования, что давала себя знать на всем протяжении спектакля, синкопируя его ритм, врываясь беспощадными паузами в монотонный ход действия. Невыносимая запутанность бытия три часа правила этими людьми, и позабыть, как ты летел от счастья к отчаянию, подхваченный шестеренками интриги, не так-то просто.

Пьесы елизаветинцев в интерпретации «Чик бай Джаул» отсылают не только к Пинтеру, но и к совсем другой эпохе английского театра — к черным комедиям эпохи Реставрации. Оттуда они берут свой цинизм и свою манерность, свою отчетливость и свое отчаяние. Отражаясь в черном омуте современного абсурда, классические спектакли «Чик бай Джаул» улавливают ту пьянящую опустошенность, что свойственна любому fin de siècle.

Виктория НИКИФОРОВА